

18+

Верука Соль

Ловушка для демона

Верука Соль

Ловушка для демона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56078814

ISBN 9785005103383

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Неудачливый, но амбициозный художник в погоне за деньгами и славой создаёт загадочные круги на полях для жуликоватых бизнесменов и выдаёт их за неземные творения. Однажды к нему обращается таинственный заказчик с интересным проектом, и он, не задумываясь, идёт на опасную авантюру, но вскоре понимает, что попал в демоническую ловушку. Сможет ли он противостоять адскому замыслу своего нанимателя и спастись от неминуемой беды? Как простому человеку победить демона?

Ловушка для демона

Верука Соль

© Верука Соль, 2020

ISBN 978-5-0051-0338-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Ветка хлестнула по лицу; резко, наотмашь, со всей силой отпущенного оружия. Боль на мгновение ослепила его, заставила замереть. От неожиданности он вдохнул слишком много воздуха, поперхнулся этим комом и его немедленно затошнило. Мужчина почувствовал, как кипящие лёгкие разрываются от хриплого, надсадного дыхания, слюна переполнила раскрытый рот – он ощутил привкус крови на губах. Что это, откуда? Ах, да. Секунду назад на его щеке вспыхнул глубокий шрам. Он не видел его, но почувствовал жжение, и капля крови заскользила по его коже. Потом ещё одна, и ещё. Как же больно! Мужчина провёл рукой по лицу, стирая обильный пот, невольно смешав его с кровью – соль тот час попала в свежую рану, причинив ещё большую боль. Но это отрезвило. В своём безумном беге он уже не разбирал дороги, а так ведь и шею сломать недолго! Он согнулся,

держась руками за судорожно вздымавшиеся бока. Сейчас дыхание восстановится, это пламя внутри погаснет – боль пройдёт. Всего минута; может – две, и он придёт в себя, и сможет прикинуть, что делать дальше. Он постарался подавить хрипы, вырывавшиеся из горла, и прислушался. В первое мгновение он услышал глухой частый топот, и страх новой волной окатил его. Но он уже немного совладал с собой и смог подавить приступ паники. Что же это за звук? И ещё через мгновение понял: это бешено колотится его сердце! Всего лишь его собственное распухшее, ослабленное сердце, перепуганное до полусмерти. Мужчина невесело усмехнулся: надо же, знать и не выдержит моторчик-то! Хотя нет, вот удары становятся реже и тише, и даже не отдаются болью в висках – дыхание начало восстанавливаться. Он облизнул губы, почувствовал пот и кровь на кончике языка. Попить бы сейчас! Выбраться отсюда и выпить целую бутылку воды! И, что бы избавиться от привкуса железа и крови, он сплюнул, но лёгкий ночной ветер обдал его своим дыханием и отбросил плевок на брюки мужчины. Он усмехнулся: да уж, конечно, как же ещё могло быть! Сейчас откуда –нибудь возьмётся собака и помочится ему на ботинки, так в кино показывают. А потом за ним придут «Эти»... – «Так какого же чёрта ты стоишь, баран?» – Сознание наконец-то прояснилось, мысли прекратили свою чехарду. Он огляделся. Вокруг темнели заросли орешника, он без труда опознал эти кусты. Как же не опознать то, что минуту назад дало тебе

в морду! А заросли эти означают, что он заблудился. Возле дороги к конюшням не было орешника; выходит, он здорово забрал к западу. Если бы к востоку, так уже показался бы край вытоптанного поля, а ему туда-то как раз и не надо. Так что запад – уже не плохо, но вот где теперь искать дорогу? Правда, погоня наверняка сбилась со следа: они точно пойдут к конюшням, именно там они оставили все свои машины. Да и он, кстати, то же. Беглец наконец-то отдышался и ещё раз огляделся по сторонам. Вокруг, в непроглядной темноте, дремал никем не потревоженный лес. Никем, кроме него. Он напряжённо всматривался в ночь, но пока не было видно ни огонька, ни движения веток – он тут один. Ну хоть что-то хорошо! Он осторожно двинулся вперёд, продолжая настороженно озираться и размышлять. Свою машину, как и все, он оставил возле конюшен, и вернуться за ней теперь нет никакой возможности – там его точно поймают. Значит, в город придётся добираться на своих двоих. От конюшни до первого поста восемнадцать километров, но это по прямой, по трассе. А он в глубине незнакомого леса, непонятно где, и непонятно, куда идти дальше! Надо попытаться выйти на проезжую часть, хоть это очень опасно. Преследователи будут искать его именно на дороге, но выбора у него нет. Надо просто быть осторожнее и успевать прятаться, едва слышится шум. Ладно, с этим ясно. Выбраться бы только отсюда!

Вокруг никого не было, но ему всё время казалось, что

за ним следят. Вот и сейчас он чувствовал навязчивый взгляд слева, и с каждым взглядом это ощущение делалось всё сильнее. Наконец чаща поредела, и он вышел на небольшую поляну. И тут же обнаружил соглядатая – над ним возшла огромная, в полнеба луна. С лева – это к беде! Мужчина невесело усмехнулся: что, разве может быть ещё хуже? И напуганный разум тот час сказал ему: да, ещё как может! Надо бежать, бежать, бежать!

Он легонько коснулся шрама – что ж, вот он и стал настоящим мужиком! Будет чем похвалиться в сообществе. Если его, конечно, не поймают этой ночью. Пальцы окрасились кровью, и в лунном свете кровавый след казался совершенно чёрным, глянцевым и страшным. Но по-настоящему страшно будет, если «Багряные» настигнут его. Тогда крови будет намного, намного больше! Они возьмут всю! Мужчина вздрогнул. То ли ночной холод, то ли страх – но его уже начало трясти. Он прибавил шагу, а вскоре и вовсе перешёл на лёгкий бег. Впереди деревья как будто расступились; может, это уже опушка леса? И правда, деревья уже не теснились толпой, а всё больше отдалялись друг от друга, пропуская беглеца. Ему подумалось, что дорога вот – вот появится перед ним. Эта мысль так обрадовала его, что он даже забыл на мгновение об осторожности. Но тут же спохватился и остановился, что бы посмотреть назад. Ничего! По-прежнему ничего и никого. А странно! Ему казалось, что даже отсюда он должен был видеть зарево пожара. Его часы дав-

но стояли, сам он полностью утратил ощущение времени, но, судя по положению луны, он устроил поджог около полутора часов назад. Интересно, поле уже догорело? Как великолепно смотрелся, должно быть, этот фантастически прекрасный, идеальный глиф, когда пламя охватило колосья. Он мысленно представил себе, как огненный рисунок пылает в ночи – красиво, наверно! Жаль, что он сам не видел. Зато «Багряные» наверняка насмотрелись на эту ужасающую красоту вволю. Он хмыкнул: что ж, пусть считают, что им повезло. Они наконец-то испытали нечто по-настоящему потрясающее! Пусть хоть спасибо скажут. Но нет, первые пол – часа они наверняка пытались спасти свою пентаграмму; потом – спасти себя, а после этого уж точно кинулись в погоню. И они, возможно, догонят его, и тогда, в качестве благодарности, оторвут ему башку. И все будут довольны, и всем будет весело. Всем, кроме него, конечно! Он прибавил ходу.

Лес внезапно закончился, и беспардонная, навязчивая луна, всё время пялившаяся на него через левое плечо, сделала наконец что-то полезное. Она бросила перед ним несколько тусклых бликов на серую асфальтовую ленту, и сердце его радостно подпрыгнуло – дорога! Честное слово, это она, родимая! Дорога в город! Теперь его отделяли от асфальта только пара сотен шагов и какой – то низкорослый кустарник. И он даже поверил на секунду, что уже почти выбрался; что самое главное – опасный, незнакомый лес – уже позади, и осталась лёгкая часть... Но в этот момент за его спиной

что-то оглушительно ухнуло и земля содрогнулась – мужчина упал. Всё вокруг него гудело и вибрировало, и он никак не мог подняться. Стоя на коленях, он боролся с дурнотой и мучительный спазм в желудке скрутил его. Тошнота подступила к горлу – кислота обожгла его рот. Слюна обильно потекла на куртку, но он не заметил этого. Его расширенные от ужаса глаза застыли, не в силах оторваться от немислимого зрелища.

Там, далеко, там, откуда он бежал, за чёрными деревьями, к небу взвивались огненные смерчи. Все потоки пламени, которому он позволил разгореться и сожрать самое совершенное его творение, самый главный его труд – все эти жадные багряные змеи по велению какой – то невероятной силы оторвались от земли и устремились в необъятную небесную тьму. Они танцевали над полем, рассыпали искры, сближались, ведомые необъяснимым магнетизмом, скручивались в сложную спираль и сливались наконец в единое огненное озеро где-то высоко – высоко, где неподвижно застыла равнодушная луна. Её лик замутился, словно покрытый пятнами крови – пламя поглощало и её. Озеро огня казалось живым: мужчина, умиравший от страха на другом конце леса, видел, как оно волновалось, набухало, лопалось, на мгновение раскрывая чёрную воронку неба. Эта воронка тут же с гудением всасывала новый огненный вихрь, отрывая его от бессильно поникших колосьев хлеба там, внизу, где мучительно погибал золотистый пшеничный лабиринт – слож-

ная, загадочная пентаграмма, созданная безумным гением и безвольной алчностью. Горело всё. Земля горела, небо горело, луна тоже захлёбывалась в огне... Мужчина видел это даже не глазами, а своим потрясённым разумом. Он отчётливо видел, что творилось там, где его нет, но сейчас это его не удивляло. Только шептал в ужасе: «Господи, пожалуйста, останови это, Господи, Господи, прошу тебя, пусть это прекратится! Не пускай его, умоляю, не пускай!» Но багряное зарево уже накрыло и поле, и лес, и беглеца, и всех людей, которых он не видел, но знал, что они тут, неподалёку. Людей, в панике и ужасе бежавших прочь от огненных смерчей, от разбухшей пылающей тучи, что пожрала уже почти всё небо. И наконец с чудовищным рёвом и гулом твердь разорвалась, и сплошное покрывало огня обрушилось на землю: Красный Демон – Косарь пришёл исполнить уговор!

Неожиданно рёв и уханье стихли; пламя стало опадать. Мужчина несколько секунд непонимающе всматривался в меркнувшее зарево, а потом вдруг безумно захохотал, закричал, заверещал, подражая воплям зверей, рёву стихий и улюлюканью толпы... Он вскочил на ноги и пустился в дикую пляску, потрясая кулаками и выкрикивая непристойности:

– Ничего у тебя не вышло, слышишь ты, урод, неудачник! Ты никого не заберёшь, ты, тварь, слышишь, тебе ничего не достанется! Сдохни, Боаз, сдохни, шавка ты сатанинская! И, словно в ответ на это, из затухавшего моря пламе-

ни взметнулась чёрная многокрылая тень. Она набросилась на окровавленную луну и погасила её свет, но мужчина в лесу всё же видел достаточно: адская тварь корчилась, рвалась на части, подыхала... Демон – Косарь вернулся в преисподнюю. Боаз, придурок, хвала Всевышнему, ты и правда неудачник!

И мужчина, истерично похохатывая, всхлипывая, подавляя стоны и тошноту, побрёл к дороге. С той стороны отчётливо потянуло гарью – лес горит! Надо бы убраться отсюда подальше и побыстрее, но прихвостни Боаза так просто его не отпустят; он всё ещё в опасности. Двести шагов до зарослей чего-то – неизвестно чего он едва преодолел. Истерику сменил упадок сил. Но надо идти. Просто идти, и всё.

Проклятие! Заросли чего-то оказались старым малинником. Высокие стебли, в человеческий рост, и даже выше, унизанные шипами, намертво сцепились друг с другом, преграждали ему путь. Да ещё крапива! Не такая жгучая, конечно, как в июне, но всё же хлестала его довольно болезненно, и вскоре он совершенно одурел от усталости, боли и страха. Да пропади же всё пропадом! Он закрыл лицо ободранными, окровавленными руками с последним отчаянным усилием бросился напролом сквозь кустарник. Шаг, ещё шаг; вот стебли расступились... и беглец с треском полетел вниз с пригорка.

Теперь стало совсем плохо. Конечно, он не мог знать заранее, и видеть этого не мог, но малинник и дорогу разделяла

огромная канава. Очнувшись на дне, мужчина не мог даже представить себе её размеры, но, едва его разум начал подавать слабые признаки жизни, он прикинул нужное направление. С одной стороны над ним нависали кусты, а в кустах он уже был. С другой стороны кустов не было, и он решил двигаться туда. Попытался встать – не вышло. Боль и слабость придавили его к земле. Тогда он пополз, стараясь приспособиться к боли. Скоро он уже смог встать на четвереньки, и дело пошло быстрее. Мимоходом оглянувшись, он увидел луну, утопавшую в клубах чёрного дыма. Ну и дела! Экологи завтра разорутся, и прокуроры понаедут с пожарниками. Вот будет потеха! А потом приедет агент Малдер с этой его рыжей бабой, и они начнут искать инопланетян, и все эти «Верящие в Плоскую Землю» тоже приедут... Ну ничего, он – то будет уже далеко отсюда... Осталось чуть – чуть, вот уже асфальт...

Он с трудом вскарабкался по склону и буквально вполз на дорогу. Надо подняться на ноги, надо встать и идти. Он уже забыл о преследователях. Толпа перепуганных фанатиков казалась теперь такой несущественной, да и какой смысл ловить его специально? Всё же рухнуло, полный облом! Эта мысль на мгновение взбодрила его. Ещё бы! Боаз пусть теперь поищет новую площадку для игр, да и нового невольника тоже! Он усмехнулся, скривив разбитый окровавленный рот: теперь ты не достанешь меня, сатанинское отродье! Мужчина поднялся на ноги; его шатало, но это уже не страш-

но! Он справится. В этот момент демон налетел на него; два снопа света из глаз чудовища вспыхнули и ослепили беглеца. Демон издал дикий мерзкий вопль, завизжали тормоза. Мужчина ощутил страшный удар... И всё кончилось, навалилась темнота. Он умер.

Глава 2

Женщина опять рассердилась. Шесть – восемь раз в день – для неё это нормально. Все эти недоумки существовали на свете лишь для того, что бы научить её смирению. Но с этим пока ничего не получалось, и недоумки просто выводили её из себя. Минимум – по шесть раз на дню. Вообще-то она не плохая, и не злая даже. Но она всегда говорила: «Вот попробуйте поработать, как я, да целый день на ногах, да с этими психами – вот я посмотрю на вас!» К примеру, вчера больной по прозвищу «Петечка» взял в коридоре старый чайник с раствором хлорамина – уборщица зазевалась и оставила без присмотра – и напился из него. Немало персон с ним повозился. А на той неделе «Ангелочек», повёрнутый на всех религиях мира одновременно, задремал ненадолго в общей комнате во время изо – терапии. Ну не хочет псих рисовать, да и пёс бы с ним! Главное, что б не мешал. А он вдруг проснулся, ни слова не говоря поднялся, взял стул, на котором сидел, да как треснет другого больного по голове! Хорошо хоть не убил, даже не покалечил. Стул лёгкий. Потерпевший завопил, конечно; все остальные тоже взбесились, кроме Тихони, разумеется. Все сбежались

на шум. Как у нас говорят: «доктора, профессора, медицинская сестра...». Спрашивают:

– Ты зачем это сделал, Ангелочек?

А гадёныш улыбается невинно:

– Я только что видел во сне ангела. Он сказал, что это – он указал пальцем на орущую жертву – исчадьё Ада, и его надо убить!

Ну ему и накатили аминазина полной мерой и на сутки привязали к кровати. И как вот с ними по-хорошему? Так и приходится: берёшь полотенце в руки, да и охаживаешь их по бесполезным местам. Не больно, не обидно, но убедительно. И все становится на своё место.

Только Тихоню она ни разу не стегнула полотенцем. Ни разу даже не замахнулась на него. Не то, что бы не было повода: Тихоня раздражал её больше всех. Но она старалась держаться от него подальше. Что-то недоброе мерещилось ей, когда он был рядом. Конечно, все пациенты этой психушки далеко не лапочки, и каждую минуту так и жди подвоха, но этот субъект – он хуже всех! Ей часто казалось, что он нормальный. Не совсем, конечно, и болезнь его была несомненной, но все эти умники с дипломами не видят того, что видит простая санитарка. Этот тип играет с ними, он симулянт! Тихоня, как прозвали его за незаметное, безмолвное существование, был не в себе, это уж точно. Но не в той мере, как хотел это изобразить. Вот сейчас он здорово разозлил санитарку. А что он сделал такого? Да ничего. Она просто

перехватила его взгляд.

День сегодня выдался особенно дурной. С утра в их отделение заявилися благотворители. Они шныряли везде, делали жалостные лица, пытались рассовать подарки тем, кому они и даром не были нужны. Пациенту, который в приступе белой горячки пытался утопиться, сунули в руки вязанные самодельные носки и шарф, и открытку с ободряющим стишком. Самоубийца очумело таращился на сердобольную дарительницу, пока она выражала надежду на его выздоровление, потом он натянул носки на руки. Она попыталась было возразить и робко заулыбалась, но тут же побледнела и отшатнулась: Самоубийца грубо, дико захохотал и оторвал зубами кусок открытки. Он принялся жевать открытку, не прекращая своего нелепого, гадкого хихиканья. Дамочка спаслась бегством. Скоро все благотворители удрали. Они выставили на стол в общей комнате корзину, наполненную карамелью, и, будучи не в силах вынести безобразного кривляния психов, взбудораженных выходкой Самоубийцы, убрались восвояси. Санитары пытались навести порядок, но больные уже снимали носки с ног и напялили их на руки. Они совали руки друг другу в лицо и хвалились этой красотой, пытались разворачивать фантики подаренной карамели. А потом, по наущению Самоубийцы, взяли всю корзину и высыпали конфеты под дверь, ведущую в коридор отделения. Зачинщик объяснил своей шайке, что так они смогут запечатать дверь, и злобные санитары не войдут и не помешают

им веселиться. Дверь действительно открылась с трудом. Когда сердитая санитарка всё же вошла, она увидела, что весь пол уделан мерзкой давленной карамелью и повидлом. Тут её терпение лопнуло, и она принялась наводить жёсткими мерами порядок во вверенном ей обезьяннике. В этот момент она и перехватила взгляд Тихони. Он смотрел на неё с таким насмешливым презрением, с такой брезгливостью, что она вся взвилась от злости и ненависти. Он презирал её, ну надо же! Да видело бы это чучело себя со стороны!

Тихоню привезли в их дурдом почти год назад из больницы «Скорой помощи». Он не ходил, не говорил, не ел и даже почти не пил. И большую часть времени спал, хотя санитары считали, что он притворяется. Когда же он действительно засыпал, само тело несчастного говорило о том, что душа этого грешника точно поджаривается на дьявольской сковородке. Каждый, кто видел безумные творения Босха, безошибочно признал бы: то, что переживает Тихоня, очень похоже на дикие сюжеты одержимого из Брандэнбурга. Да, должно быть, это и есть Ад!

Тихоня страдал. Его убивали кошмары и изнеможение, а врачи ничем не могли помочь. По крайней мере, в первые месяцы. В «Скорую помощь» он попал с травмами. Вроде бы его сбила машина, но это точно не известно. И хотя что-то уже срослось, что-то зажило, и что-то рассосалось, общее самочувствие его было скверным. Тихоню мучили боли, давление скакало вверх – вниз, вся моторика была в угнетённом

состоянии. Сердце, дыхание... В общем, про таких говорят, что «краше в гроб кладут!» Но, поскольку врачи на самом деле не очень-то любят хоронить пациентов, медицина взяла Тихоню в крутой оборот. Сотня уколов, сотня болезненных унижительных процедур, куча бесполезных методик и углублённое изучение этого любопытного случая – всё это dokonало несчастного умалишённого, и он стал понемногу поправляться, только бы уж отстали!

Однако и сейчас, год спустя после начала пыток, по нему можно было изучать циркулярное расстройство. Главврач с удовольствием демонстрировал его студентам, и те даже по внешним признакам легко ставили диагноз.

Мальчики и девочки в белых халатах были просто в восторге. Весь облик несчастного больного свидетельствовал о глубокой мрачной тоске, что окутывали разум и чувства Тихони удушающим покрывалом. Выглядел Тихоня крайне удручённым; вся его иссохшая сгорбленная фигура, обтянутая бесцветной кожей, его тусклые мутные глаза, опущенный рот – всё говорило о мучительной боли и отчаянии, что раздавили этого молодого мужчину. Студентам было крайне интересно, что же породило такой яркий психоз. Но ответить он то ли не мог, то ли не хотел. Долгое время он вообще не отвечал на вопросы и никак не реагировал на врачей и их пособников. Люди в белом полагали, что он всецело находится во власти своих внутренних ощущений, и эти ощущения накладывают на него невыносимую печать отчужде-

ния от действительной реальной жизни. Студенты раздевали его догола, стучали молоточками по разным местам, надавливали, сжимали и распрямляли. Но ни кожа, ни мускулы не реагировали нормально, и только крупные слёзы каптились по печальному лицу и дрожали опущенные уголки плаксивых губ. И больше – ничего. Специалисты справедливо полагали, что это вряд ли связано с чувством унижения, стыдливости или обиды – пациент не мог этого испытывать. По крайней мере, так в учебниках пишут. Возможно, это была обычная физическая боль. Необъяснимая, беспричинная боль не понятно в каком месте, внезапно приходящая и внезапно уходящая. Но для циркулярного психоза это нормально, и старые опытные профессора писали в учебниках, что такие больные испытывают её почти непрерывно, потому что у них нет представления о времени. Только боль, кошмары, усталость и тоска. Любой человек, не имеющий белого халата и стетоскопа, сказал бы, что это просто ужас какой-то; что очень жаль беднягу и всё такое... Но медики лишены бесполезных сантиментов; их задача – изучать и лечить. А тут такой объект! Ладно, брат, прости и потерпи. Они отлично понимали, что больной будет страдать не независимо от того, помяли они его или нет. Он не чувствовал себя униженным и не стремился освободиться от них. И, поскольку реальность не имеет для него никакого значения, так пусть хоть науке послужит! Конечно, лечащий врач хотел помочь Тихоне. Он всем хотел помочь. По крайней мере, так было лет

двадцать назад. Но за это время он понял, что психиатрия никому на самом деле не помогает, возможности врача очень ограничены. Можно просто поддержать, отсрочить худшее, иногда даже подбодрить, но это как энергетическая шипучка: обходится недёшево, а толку – чуть. Так, видимость одна. Но это всё же лучше, чем ничего. Это даёт немного времени, а иногда это единственное, что действительно нужно. Просто время, что бы продержаться, пока жизнь не возьмёт своё. В свои двадцать лет, впервые открыв учебник под названием «Циркулярный психоз», он сам ужаснулся: вот тебе и теория относительности на душевнобольной манер!

Для несчастных больных время – ненавистный враг, мучитель и палач. Ведь каждый новый день только добавляет боли; с каждой ночью кошмары всё ярче и пронзительнее; и каждый миг их оцепеневшей жизни ещё хуже и безнадежнее прошедшего. Но для того, кто пытается спасти несчастного, это ещё капля надежды. Ещё немного времени, ещё чуть – чуть! Только бы больной продержался, а там... Кто знает? Может быть, лекарства подействуют, или душ Шарко, или изо – терапия... Может быть хоть что-нибудь наконец сработает!

Но доктор знал, что не сработает. Вначале он низачто бы не поверил в это, потом – всё ещё надеялся, теперь – точно знал. И даже когда понял бесполезность своей профессии, ещё какое – то время не хотел с этим мириться, а теперь ... Время подвело и его, и теперь ему было всё равно. Когда па-

циенты выздоравливали, он не испытывал удовлетворения. Это же не было на самом деле чудом исцеления, просто рутина. Иногда ему казалось, что персонал так достал пациента, что он просто решил взять себя в руки и прикинуться нормальным, только бы смыться отсюда. Но они снова встретятся, так почти всегда бывает. И доктору теперь это было безразлично. Эта болезнь и называется «Циркулярный психоз», потому что настоящие психи намертво зацикливаются на своём бреде. Ха- ха, смешно! Почти смешно. Пройдёт какое-то время, и в голове выздоровевшего опять что-то замкнёт, и вот твоя койка, дорогой! Немного циклодола в обед, чуть – чуть аминазина перед сном... Ладно, не капризничай! Ты знаешь правила!

Иногда пациентам случалось умереть. Как правило, тихо и незаметно, и никто не жалел об их уходе. Что ж, надо заполнить бумаги, закрыть историю болезни, сказать несколько стандартных слов сочувствия тому, кто явится. Если явится! Доктору давно уже всё это стало безразлично. По – крайней мере, он сам привык так думать. Но вот беда: это не было правдой. И его просто бесила санитарка Зоя, хлеставшая надоедливых психов мокрым полотенцем, и он с удовольствием запер бы среди пациентов всех этих жалельщиков – благотворителей, а таблетки забыл бы выдать. Ну хоть на один день, хоть разочек, ну пожалуйста! А бессердечных надутых студентов он просто ненавидел. Их не смущают слёзы и страх «подопытных»; они методичны до жестокости.

Доктора не очень волновали стоны и жалобное бормотание жертв науки, но ему почему – то хотелось иногда врезать толстым медицинским справочником по заушной башке гадкого мальчишки в белом халате. Конечно, он понимал, что это всего лишь эхо его прежних устремлений, и это не лечится. И вообще, ничего и никого он не может вылечить. Однажды, после самоубийства одного из пациентов, он всю ночь простоял у окна, вглядываясь в темноту сада, в своего двойника, пришедшего из глубины чёрного оконного стекла, в свою и его усталость. Их беззвучный разговор был долг и невесел; они одинаково покачивали головой, соприкасались пальцами сквозь невидимую преграду, одновременно закуривали. Одну за одной, снова и снова, и так всю долгую ночь. Только доктор и его двойник, и больше никаких иллюзий. Ему всего лишь не хватило времени. Этого ненавистного, дурацкого времени, чтоб его... Наша паршивая планетка вертится как белка в колесе проклятую тучу веков за просто так, а несчастному душевнобольному не хватило каких-то пару месяцев что бы продержаться! Надо было только погасить спазмы – боли тогда сами прошли бы. Можно было победить истощение и приглушить кошмары, а там, глядишь...

Студенты всё время спрашивали его, что бывает потом, после обычной стабилизации. И он каждый раз отвечал им одно и то же. Главное, что он понял – больному может помочь только он сам. Всё в нём, только в нём. И орудие пыток, и средство исцеления – всё в глубине его мрачной отрешён-

ной души. Что запускает механизм разрушения или спасения, никто не знает. Знает, наверно, только самый главный главврач с белой бородой там, за облаками. Но это факт, что существует этот механизм. И рано или поздно он непременно включается, и тогда уж либо смерть, либо выздоровление. И ни врачи, ни общество, никто из реального мира не управляет этим процессом. И уж точно, вены человек режет не из-за кого-то, и это чушь, что чья-то любовь может вдохнуть жизнь в опустевший сосуд. Только сам человек, его рассудок или безрассудство, его душа или его жадная похотливая плоть – только они управляют мечтами и кошмарами, жизнью и смертью. Как сказал один умный человек: «Это всё у тебя в голове, сынок; только в твоей голове!»... Ну или в каком – то там ещё месте, не важно. Важно, что это так и есть, это правда. И нечего показывать пальцами на несчастную любовь, на непонимание окружающих или неудачное стечение обстоятельств – всё это внешнее, сиюминутное, чужое. А самые важные вопросы и ответы – внутри; победа и поражение – всё в самой натуре. Сила и слабость, болезнь и лекарство... по крайней мере, это что касается души и разума. Можете именно это считать психиатрией!

Студенты вежливо улыбались, пока он втирал им эту «бульварную чушь». На любом книжном развале полно брошюр в дешёвых бумажных переплётках, набитых рассуждениями подобного рода. Тоже мне, учёный; врач, называется! А он понимал, что они не верят его словам. Ну и ладно, кого

это волнует? Уж точно ему плевать на их высоколобое, очкастое мнение. Пусть лучше учатся играть в гольф или теннис – самое подходящее дело для психиатров.

Идиоты в белых халатах изучают идиотов в больничных пижамах. Иногда они встречаются вне больничных стен и за невкусным ужином начинают вести идиотские разговоры о политике, о засухе, о положении женщин в Иране, или о том, как выбрать дом в пригороде, о футболе... Мир просто переполнен идиотами при галстуках или в модных туфельках на шпильках! Доктор мрачно усмехался таким мыслям. Приятно считать себя единственным нормальным в этой галактике! Только почему у него самого так тяжело иногда на душе? Может, потому что он и сам, по сути дела, живёт в сумасшедшем доме?

Что ж, вот начался ещё один день в раю! Доктор потянулся к телефону, но тут же отдернул руку. Нет, только не с утра! Обрывки давешних мыслей об иранских женщинах, идиотах и теннисе всё ещё вертелись в голове, не давая возможности сосредоточиться. Похоже, надо принимать какую-нибудь дрянь из того, чем он накачивает других, а то в мыслях полный разброд и шатание. И уж точно никакого желания заниматься сейчас Тихоней. Он уже несколько дней откладывал сеанс, и ещё вчера вечером пообещал себе, что прямо с утра возьмётся за Тихоню. Но это требовало особого подхода, а он к этому пока не был готов. Но сегодня – непременно! Тут главное ничего не испортить и не опоздать. Кажется, с этим

пациентом всё-таки есть шанс, и доктор его не упустит! Вот только встречаться с Тихоней ему совсем не хотелось, с этим больным было что-то не так. Что он хотел сказать этими дурацкими словами, доктор и сам не знал. У него бывали всякие «типы», он чего только не повидал! Были жертвы диет, был парень, первый раз попробовавший ЛСД – он так и не вышел из этого состояния. Был журналист, допившийся до белой горячки и решивший прокатиться на своей машине по дну озера... Одна пациентка разрубила голову топором самой себе. Он лечил её два года; казалось, ей наконец-то стало лучше. А когда её выписали, она пришла домой и вогнала топор в свой череп. И как только она сумела это сделать?! Доктор пытался себе это представить, но его стошнило. Иногда его действительно мутит от собственной профессии, а теперь вот ещё Тихоня! Другие пациенты сторонились его, словно он их пугал. Персонал то же относился к нему с неприязнью, и это было очень странно. Обычно специалистам и санитарам больные безразличны; медики просто выполняют свою работу, а суровы или добры бывают по необходимости. Да и как можно испытывать чувства к полуживому бревну, или кабачку на грядке? А Тихоня никому не нравился. Доктор тоже чувствовал что – то мрачное, и даже отталкивающее, как будто пятна плесени запачкали эту потерянную душу. Странно! Это всё очень странно. Доктор точно знал, что на каждого человека можно найти диагноз, и всё, что может случиться, давно уже описано в учебниках.

Но не этот случай. С Тихоней точно не всё просто. Неделю назад санитарка Зоя попыталась ему это разъяснить.

Эта грубая мужиковатая особа устроила прямо-таки побивание полотенцем непокорных психов, поругалась с двумя другими санитарками и потом полчаса доказывала доктору, что она-то как раз нормальная и хорошо выполняет свою работу, а Док просто не понимает, каково ей приходится!

– Да вы не знаете их, как я знаю! Это они с вами, Док, тихие и послушные, а на самом деле... Вот хотя бы Тихоня. При Вас он нюни распускает, и дышит-то еле – еле, и кормить его надо с ложечки – ну совсем бедненький, несчастненький! А только Вы уйдёте, так он на всех как крыса пялится, и взгляд у него такой злой, гадкий, немигающий – ну точно крыса облезлая!

– Зоя, прекратите это немедленно! Вы говорите гадости и оскорбляете того, кто не может ответить! Не стыдно Вам?!

– А чего мне должно быть стыдно? Я- то нормальная, и ничего плохого не сделала. А этот тип? Кто он, кто-нибудь о нём что-нибудь знает? Да и на счёт «не может ответить!»: тут Вы не правы, Док. Я Вам точно скажу: этот псих запросто ответит, дайте только срок! Ох как ответит!

Вспоминая этот разговор, Док испытал одновременно чувство недоумения и вместе с тем отвращения. И что эта особа имела в виду? Док закурил и попытался в тонкой струйке дыма увидеть какой-нибудь образ, как в проплывающем облаке. Некоторое время он забавлялся этой игрой,

и даже смог ненадолго расслабиться. Всё-таки, что это значит? «Он запятнан злом...» Такое чувство, что Тихоня разный, и никто не хочет об него мараться, словно он проводник чего-то страшного и опасного, чего-то дьявольского! Док закурил ещё одну сигарету – третью подряд. Примерно через час от переизбытка никотина начнёт болеть голова, и он будет жалеть о том, что он не может вкатить себе чего-нибудь из «Списка А». Ну да это сейчас неважно. Важно то, что сказала Зоя, хотя слова, которые крутились в его мозгу, ей не принадлежали. Не могла эта железобетонная корова выдать что –нибудь эдакое: впечатляющее, пронизанное готикой, даже мистикой! Но общий смысл был именно таков; остальное разукрасил и подал себе же на блюде сам Док.

Что, если допустить на мгновение, что те черти зелёные, которых так ловко изгоняют медики из больных заблудших душ и пропитых мозгов, и правда существуют? Что, если пусть не все, но хоть какие-то кошмары действительно реальны? На самом деле, можно ли истолковать желание журналиста – самоубийцы покататься по дну озера типично – фрейдовской идеей, что в детстве бедолага мечтал переспать со своей матерью? Да – да, вот поэтому люди и не хотят водиться с психиатрами. Сто лет подряд всё новые и новые поколения мозговедов дружно повторяют эту ахинею, а ведь их подопытным нужно совсем другое. Кому-то обычное сочувствие, кому-то просто по физиономии настучать, а кто-то должен себе бабёнку подыскать подходящую – живую и горя-

чую! Вот журналист, тот, что наполовину утопленник, к примеру. Можно сколько угодно анализировать его подавленные ощущения, но на деле всё просто. Его жизнь зашла в тупик. Он совершенно одинок и невостребован, классический неудачник. Он очень устал от рутины своей бессмысленной, бесполезной жизни, и не так видел эту жизнь в своих юношеских мечтах: дешёвые скучные статейки о городских новостях, лапша быстрого приготовления, вечно мятая одежда и выпивка в компании самого себя... Нет, не этого он хотел. И вот сбиты дорожные ограждения, вязкий после дождя берег озера; плеск, странное ощущение – вода прибывает... Он даже не успел почувствовать страх смерти. Он был настолько пьян, что до конца не осознал происходящего – разум покинул его. Очнулся он уже в психушке. Дальше – глубокая депрессия, даже апатия. Надолго. Но тут помочь, кажется, всё-таки удалось. Да, он сожалел, что не умер, и в то же время радовался, что выжил. Жизнь по-прежнему не была дорога ему, но и так просто отказаться от неё он уже не хотел. Сейчас ему всё ещё было очень плохо, и этому было простое объяснение: жизнь не удалась, и всё тут. На самом деле это действительно больно. Это знает каждый, хотя бы потому, что однажды испытал это. И нечего тут выдумывать разные теории. Надо просто понять больного, заставить его поверить и в докторов, и в самого себя, и по возможности вылечить. Док усмехнулся: «Вот за это мне и платят!» Ладно, с Самоубийцей всё ясно. Теперь – Тихоня.

Однако заняться Тихоней не удалось. То есть, не то, что бы совсем не удалось, но уж точно не так, как Док планировал. Произошло что-то очень странное. Тихоня устроил истерику. Самую настоящую: с воплями, рыданиями, пеной на губах и судорогами. Так что с ним не мало пришлось повозиться. Это было так непохоже на Тихоню, что просто ошеломило персонал. Док, вкалывая иглу в истерзанную вену больного, заметил осторожное отвращение на лице Зои, а другой санитар так выпучил глаза, что в пору было начать о нём беспокоиться. Медсёстры пытались уговорить перевозбужденных психов и то же опасливо косились на отчаянно отбивавшегося Тихоню, а практиканты смотрели на всё происходящее так, словно узрели истину: вот она, настоящая психиатрия! Как мечта всей жизни. В общем, Доку никто толком не помогал, и ему не легко пришлось, но он всё же успел кое-что разобрать в безумных воплях пациента. И в какой-то момент он почувствовал озноб: что-то было не так, и ему действительно стало страшно. Страшно, потому что это был не бред, а ужас. Мучительный, отчаянный ужас, что охватывает жертву, однажды спасшегося от своего мучителя, при новой встрече с этим мучителем. И неудержимая дрожь изможденного тела Тихони, и его отчаянные слёзы, его бессвязные крики и непонятные мольбы – всё это не было просто бредом сумасшедшего. Тихоня действительно просил о помощи! И ему не нужен был аминазин; Док понял – Тихоня умолял защитить его!

Док наконец уgomонил Тихоню и обернулся. Вот она, эта женщина! Стоит у стены и нервно покусывает согнутый палец. Вроде бы нервно. Но её глаза... Такие циничные, такие убийственно бессердечные... Она почувствовала взгляд Дока и тут же изменила выражение лица – просто как будто достала из шкафа и надела новое. Вместо жестокой насмешки – жалостливое огорчение, даже растерянность. Она старалась сделать вид, что очень расстроена и совершенно не понимает, что случилось. Тихоня, обессилев, отвёл наконец от неё глаза и простонал, тоскливо взглянув на Дока:

– Пожалуйста, Док, пусть он уйдёт! Не дайте ему добраться до меня, пожалуйста! Он хочет расправиться со мной, пожалуйста, Док, пусть он уйдёт! – Лекарство подействовало, и рыдания Тихони стихли. Только их отзвук в судорожном дыхании больного всё ещё беспокоили собравшихся. Но что же произошло на самом деле?

– Кто «он»? Тихоня, ты про кого говоришь? Кто – «он»?

Док легонько похлопал несчастного по щеке, пытаясь привлечь его внимание. Тихоня с трудом поднял отяжелевшую от усталости руку, и его дрожащие пальцы указали на обеспокоенную женщину у стены:

– Он! Это он, Док! Он пришёл за мной, но я не дамся! Помогите... Помогите мне, Док! Это он, Боаз! – Его глаза сонно закрылись, и он затих. Воцарилась тишина. Док выпрямился, несколько секунд пристально смотрел на больного. Что же тут произошло на самом деле? Снова холодок

по спине... Нет, это точно не бред. Он повидал немало бреда и хорошо разобрался в тонкостях этого явления, но не в этот раз. Он вдруг вспомнил, что говорила Зоя: Тихоня нормальный! Ну или почти нормальный. Что, если ...Он резко повернулся к женщине у стены. Интересно! Она не ожидала этого и не успела обновить гримасу: жестокое удовольствие, торжество победителя, насмешка. Всё так откровенно, даже непристойно! Она издевалась над Тихоней! Да, действительно интересно. Что значит – «он»? Кто такой Боаз? И вообще, какого Фрейда здесь происходит?

– Во псих! Совсем сдурел!

Зоя грубо прервала молчание, и Доку вдруг захотелось ударить её.

Глава 3

...Противный выдался день. Вопли и возня в отделении в порядке вещей, и вроде всё, как всегда. Как всегда, ничего не вышло с лечением Тихони. Практиканты, как обычно, высоколобо и высокомерно разглядывали подопытного кролика, планируя меры по спасению несчастного. Все, кроме этой молодой женщины. Док потянулся к телефону, отдал распоряжения. Через несколько минут она придёт, и он попытается понять, что всё-таки случилось. А пока надо бы сообразить, как сказала бы Зоя, что он вообще знает об этом пациенте. Тихоня- человек без имени, без истории. Он существовал согласно своего прозвищу – тихо, незаметно. Безмолвно страдал, незаметно угасал. Никогда не бушевал, не жаловал-

ся, даже не разговаривал. А сегодня он кричал! Вопил, орал, надрывался – иными словами, «шизовал», как они тут между собой это называли. Очень странно. Истерика случилась с ним, когда он увидел эту практикантку, Таню.

Когда обход закончился, Док ответил на вопросы студентов, дал им указания и отправил набираться опыта в естественной среде. Сам же хотел привычно заняться ежедневной рутинной работой, но, как постоянно это делал, ненадолго остался, что бы понаблюдать. Он даже не обратил внимания на студентку, которая представилась Татьяной. И ничто не предвещало тревоги, когда она приблизилась к Тихоне – тогда никому не пришло бы в голову, что это намеренно. Пульс, рефлекс, простые вопросы – Тихоня, как всегда, ни к чему не проявлял интереса, и, наверно, даже не замечал её присутствия.

– Так, Тихоня, ну а теперь – посмотри-ка на меня! – Она подняла пальцами его подбородок и попыталась встретиться взглядом с пациентом. – Тихоня, я – Таня. Можешь звать меня Таней. Я теперь буду часто приходить сюда. Я буду заботиться о твоём здоровье, и мы скоро подружимся. Ведь правда? Ты хочешь, что бы Таня помогла тебе? У нас с тобой всё получится, я тебе обещаю. – И она добавила что – то ещё, никто не расслышал её слов, но Тихоня внезапно вздрогнул всем телом и наконец посмотрел ей в глаза. Ещё секунду она удерживала его подбородок, а потом опустила руку, выпрямилась и спросила со странной улыбкой:

– Ну, как твои дела, Тихоня?

И вот тут у него началась истерика. Он попытался вско-
чить, но сил не хватило, и он закачался, стал падать. Таня
схватила его за локоть, попыталась удержать. Тихоня начал
вырываться, подоспели санитары и подавили его слабое со-
противление. Тихоня зашёлся криком, но нельзя было разо-
браться слов в этом отчаянном потоке звуков. Однако глаза Ти-
хони отчаянно молили о помощи. И Док наконец смог уло-
вить смысл. Этот человек Боаз, – Тихоня настойчиво указы-
вал на Татьяну – это Косарь, понимаете, это Багряный Жнец!
Он хочет отомстить! Пожалуйста, не дайте ему добраться
до меня! Док начал было произносить стандартный успокаива-
ющий текст, но больной вдруг очень прямо посмотрел ему
в глаза. Странно, эти глаза сейчас показались Доку очень жи-
выми и яркими; вот уж чего он не замечал раньше!

– Док, послушайте, поверьте мне! Он – Тихоня ткнул
пальцем в Татьяну – он заберёт не только меня! Ему нужны
все! Я уже помешал Боазу один раз, но он так просто не уго-
монится. Док, пожалуйста, помогите! Я не дамся ему! Помо-
гите, прошу Вас!

Это можно было бы забыть, как и все выходки психов,
но ... Столкнувшись взглядом с практиканткой, Док вдруг
понял: она знает, в чём дело. И знает Тихоню. А вот это дей-
ствительно интересно!

Практикантка на вызов не пришла. Секретарь сообщила,
что девушке стало нехорошо: она была очень расстроена,

и её отпустили домой пораньше.

– Кто отпустил? Интересно, а почему я ничего не знаю? – Молчание в ответ. Ладно, не это сейчас главное. Где её личное дело? Вот адрес и нечёткое фото. Что-то она не очень похожа на снимке на ту женщину, что прятала злорадное торжество за гримасой огорчения и растерянности. Док закрыл глаза и попытался вспомнить её такой, какой увидел рядом с Тихоней. Вот наконец воображаемая картинка обрела чёткость, и Док сумел её рассмотреть.

Высокая, даже очень высокая, и широкоплечая. В её массивной фигуре действительно было что-то мужеподобное, и короткие чёрные волосы, и густые брови ещё больше усиливали это впечатление. Тяжёлый овал лица, крупный чувственной рот, светло—серые, чуть прищуренные глаза – всё это не то, чтобы не было привлекательным, даже наоборот: слишком много сексапильности, нескрываемого вызова. А ещё – очень броский готический макияж. Так можно всех сумасшедших перепугать до смерти! В общем, через чур всего много, и это скорее отталкивало, чем привлекало. Но, если не считать этой неуместной мрачной раскраски, всё было бы ничего. Вот только глаза... Да, её глаза! Злые, циничные, даже жестокие. И она действительно насмеялась над Тихоней. Сейчас Док не сомневался, что Таня и Тихоня знакомы, хотя с понятиями «он – она» что-то странное, но сейчас и «ЭТО» не редкость! Ну, не знаю, не знаю!

Тихоня весь день пролежал в постели. Есть, конечно,

не стал, отвернулся к стене и ни на что не реагировал. Только на попытки Дока расшевелить его он вдруг резко и удивительно спокойно ответил:

– Даже не пытайтесь. Вам это не по зубам, Док. Это – реальность. Другая. Особенная. Хреновая. И ничего ещё не закончилось. И я не знаю, чем Вы можете мне помочь, так что даже не пытайтесь.

И он снова отвернулся к стене. Док ещё немного подождал, а потом разочарованно повернулся к двери. Из-за косяка двери торчала включенная голова Самоубийцы, и его жадные глаза горели самым бессовестным энтузиазмом: голодный журналист наконец – то почувал сенсацию! Что ж, может, больше топиться не захочет.

Рабочий день закончился, вопросы остались. Док понял, что не может всё так и оставить.

«Я хочу знать, что сегодня случилось. Я хочу знать, кто такой Тихоня, кто такой Боаз, и что за птица эта практикантка Таня. Это желание не очень психиатрическое, скорее – детективное, но клянусь Великим Юнгом, я хочу знать, что имел в виду Тихоня! Что ж, будет куда пойти вечером

Личное дело, студенческое общежитие – вот и комната Тани. Дверь открыла девушка с фотографии. Не та, что была в отделении. Вернее, та, да не такая. Совсем не такая. Не было сытого кошачьего прищура глаз; лицо казалось тоньше и женственнее; гладкая, тусклая причёска, и, конечно, никакого макияжа. Весь образ казался каким – то размытым,

нечётким. Док даже заподозрил, что у него прямо сейчас развился астигматизм – то ли она есть, то ли её вовсе нет. Впору было усомниться, эта ли девушка приходила утром в отделение. Но девушка подтвердила: да, она. Однако ей нечего сказать. Что там случилось, она и сама не поняла, да и вообще, почти ничего не помнит. Нет, странным это не кажется: просто переволновалась, и всё. С самого утра она словно не в своей тарелке – что ж, бывает. И Тихоню она не знает. Нет, раньше они точно не встречались.

– Доктор, честное слово, я понятия не имею, кто он! А что ему какая – то дичь померещилась, так я – то тут причём? Или Вы тоже меня за мужика приняли? Может, проверить хотите?... Да- да, простите, но я сегодня очень устала, и мне больше нечего Вам сказать.

Док поверил ей. Не она устроила шум в отделении. Она не знает Тихоню. Это не тот же человек, что пришёл утром с другими студентами. Словно два в одном – жаль, Док не верил в раздвоение личности, а то идея с готическим альтер – это очень уж соблазнительна. Или, может быть, это – одержимость? Демоном, к примеру? Док усмехнулся своим мыслям: да уж, конечно, без демонов тут не обошлось. Но вдруг его память обожгла вспышка: «Багрый Жнец»... «Косарь заберёт всех!»... Вот зараза, чуть не купился! Да и вообще, ему- то это надо? Разобраться с этим делом, конечно, стоит, но Тихоня больше ничего говорить не хочет, Таня – не совсем даже Таня, а так, что – то непонятное. Так пусть кто –

то другой поломает над всем этим голову; но вот кто бы это мог быть?

К своему возвращению в больницу он уже точно знал, как убить даже не двух, а трёх зайцев сразу. Помочь Тихоне, утолить своё невыносимое любопытство, а заодно задать стимул ещё кое – кому. Время ещё не позднее, Самоубийца пока не спит. Пора ему уже сменить прозвище!

...Тихоня равнодушно изучал рисунок трещин на стене. Днём он выпался, если так можно сказать об отключке после успокоительного, и теперь просто коротал ночь, стараясь ни о чём не думать ничего не вспоминать. Но мысли – не дождик; от них зонтиком не укроешься. Нет такого зонтика. Вот бы вообще обо всём забыть! Плохо, что он тогда не умер. А теперь – поди ж ты, чего никто не ожидал, он стал нормальным! Слабым, измождённым, пока не самостоятельным, но – нормальным. Он навсегда останется душевнобольным, он это понимал. Боль никуда не уйдёт, с этим ничего не поделаешь. Но больше нет смысла притворяться психом, и здесь, в этих растрескавшихся стенах, спрятаться от правды нельзя. Скоро придётся уйти отсюда, но, Великий Космос, как же страшно!

Внезапно открылась дверь, и кто-то проскользнул в палату. Тихоня оцепенел от ужаса. Но это не была студентка – оборотень, или кто-то из демонов, или сектантов-убийц. Тихоня вновь осмелился дышать, когда знакомый голос негромко позвал его:

– Эй, псих, ты спишь? – Самоубийца помолчал, ожидая ответа, но Тихоня попытался притвориться спящим.

– А, дрыхнешь! Ну ладно. А то у меня что-то есть; думал, тебе понравится. – Раздался очень знакомый щелчок, огонёк зажигалки ненадолго осветил небритую физиономию Самоубийцы, и тут же потянуло табачным дымом. Тихоня ахнул от неожиданности и сел в постели. Несколько секунд он недоверчиво разглядывал огонёк на кончике сигареты и жадно вдыхал дым, но скоро в горле запершило с непривычки, и он закашлялся.

– Ты что, сдурел? Сейчас сюда сбегутся санитары, и тебе придётся сожрать окурок! – Тихоня снова потянул носом воздух, с удовольствием нюхая горящий табак. Он не курил уже целую вечность, а тут... Да у самоубийцы целая пачка в руках – о, какое искушение! Глядя на его реакцию, ночной гость довольно захихикал:

– Опаньки, а зверушка- то говорящая! Значит, ты – псих понарошку и балуешься государственной наркотой на халыву, да? Ладно, расслабься, никто не придёт. – И, заметив сердитый недоверчивый взгляд Тихони, добавил уже почти серьёзно:

– Нет, правда. Я почти не сплю по ночам и давно тут всё разведаль, так что можно спокойно покурить. – И он протянул пачку Тихоне. Тот замялся нерешительно, но пальцы его дрожали от нетерпения.

– А сигареты откуда?

– Украл. Тут когда эти жалельщики в среду приходили, я одного в благодарность облапал, ну и спёр кое-что. Да ладно, надо же как-то развлекаться! Так что бери, не стесняйся! – Он довольно хохотнул, и, подтолкнув Тихоне пачку, снова щёлкнул зажигалкой. Тихоня не устоял. Через мгновение дым вскружил ему голову, приступ дурноты накатил и тут же прошёл, и Тихоня некоторое время молча наслаждался. Наконец он встретился с пристальным заинтересованным взглядом нового приятеля и выпустил струйку дыма ему в лицо.

– Ладно, может, скажешь теперь, что тебе от меня понадобилось?

– Да так, пара пустяков. Дружба, доверие, может, даже любовь до гроба. Не смешно? Проехали. Ну а для начала я хочу знать, что там, в «общей», сегодня утром стряслось. С какого перепугу ты принял бабёнку за мужика, и почему ты вообще прикидываешься психом?

Тихоня молчал. Очень долго молчал, и Самоубийца терпеливо ждал. Он хорошо знал своё дело и умел добывать истории. Вся беда была в том, что уже очень давно он не находил ничего стоящего. Он всегда умел и взять, и подать; было бы только что брать и подавать. А советы народных целителей, предсказания о конце света и истории об инопланетянах так достали его, что он совершенно разуверился в своём ремесле, а потом – и в самом себе. А потом – и в жизни. Ему было тогда так плохо, что просто хотелось перестать су-

ществовать. Так он получил прозвище «Самоубийца» и оказался в казённом доме. А вот сейчас он почуял добычу: возможно, Док прав, и тут что-то есть. Это если в самом деле этот парень нормальный. И он решил подтолкнуть Тихоню.

– Ты мне просто скажи для начала: ты – нормальный? Да ладно, я не врач и не полицейский. Я – журналист, и, честное слово, хороший журналист. И мне до зарезу нужна крутая история. И она у тебя есть, я чувю это. Вот только скажи честно: ты псих по правде, или как? Ну давай же, признавайся! Что с тобой такое случилось?

Тихоня ещё немного помолчал, а потом со вздохом покачал головой.

– Я не знаю, что тебе сказать. Но ты прав, у меня действительно есть история, но... Понимаешь, я-то – нормальный, по – настоящему нормальный. По крайней мере, с сегодняшнего дня. Этот ублюдок Боаз вломился сюда, и мне, как ни странно, действительно наконец-то полегчало. Я теперь знаю, что не сошёл с ума. Может, я и козёл, как говорила моя подружка; может – неудачник, всегда третий, – Тихоня грустно усмехнулся – но только не сумасшедший. А вот история моя – точно ненормальная, типа бреда больного воображения. Поэтому... Я просто не знаю. Такое в газете ты точно печатать не будешь, а тогда о чём и говорить...

– Да нет уж, была бы история, а я уж придумаю, что с ней делать! Ты просто расскажи! ...Хорошо, давай я тебе помогу. – И он достал из кармана диктофон. – О, видал?

– Это ещё что такое?! И откуда у психа такие игрушки?

– А, доктор знакомый одолжил. Он считает, что для меня работа – лучшая терапия, вот и дал на время. Так что – приступим!

– Я не знаю, как приступать.

– Я помогу. Давай сначала познакомимся. Я – Саша, журналист – неудачник. С кем имею честь?

– Зови меня Бронза. Просто Бронза. Это было когда-то моей фамилией, а потом стало именем. Другого я уже и не помню. В общем, меня все так зовут.

– Хорошо. Привет, Бронза!

– Привет, Саша!

– Вот и познакомились. А ты чем занимаешься, когда не в психушке?

– Хороший вопрос. Довольно долго я считал себя художником, даже искателем приключений. Потом кое – кто разъяснил мне, что я просто раздолбай с манией величия и мелкое хулиганье, и пакостник. Профессиональный пакостник, который ничего путного в жизни не сделал. Вот, в общих чертах.

– Ясно. А теперь – поподробнее. Что же с тобой случилось, Бронза?

– О, я открыл двери в Ад!

Саша даже не удивился. Жизнь вообще штука чудная, и чего в ней только не бывает. И у каждого свой собственный Ад, и долгие ночи в сумасшедшем доме ничем не лучше, чем

раскалённые сковородки и кипящие озёра крови где-то там, в вечном «нигде», с чёртом – истопником на проходной. Это если так, просто, по бытовому. А сколько всего необъяснимого вокруг? Можно об этом книжки писать, можно отмахнуться – не важно, как к этому относиться. Это «невероятное» просто есть, и только это важно. Саша и Бронза прошли через собственную смерть, потерю рассудка, боль и безнадёжность, и теперь были способны видеть «тёмную сторону». Воспринять её как реальность, а не утончённую схоластику. Ты говоришь, что видел Ад? Значит, так и есть. Ты говоришь, что настучал Дьяволу по рогам? Я не сомневаюсь. Но мне нужны подробности. Так что давай, рассказывай!

... – Я не знаю, с чего начать. Что главное, что нужно выбрать, а что можно забыть – мне трудно судить об этом. Когда и с чего началась моя история, я не знаю. Сейчас, когда ты спросил, мне всё кажется важным. Хорошо, пусть это будет просто как «Письма мёртвого человека» – просто поток сознания. Мне всё равно уже пора самому осмыслить произошедшее.

– Знаешь, я ведь никогда раньше не совершал преступлений. Может, и сейчас не было никакого преступления; ну, я имею в виду, в смысле закона. Только вот чисто по-человечески я натворил такое, что буду гореть в Аду, это уж точно. Помнишь, как в юности? Наделаешь чёрте – чего, сам от страха и стыда готов сквозь землю провалиться, но если за руку тебя никто так и не поймал, тогда стараешься про-

сто пережить это, перетерпеть. Пройдёт время, и если последствий не будет, всё успокоится, сгладится и поблекнет, а потом и вовсе забудется. Надо ничего не делать и просто ждать. Только ждать. И... конечно, ты знаешь это. Все это знают. Да, и это обычно срабатывает. Но не сейчас. Я тут давно уже изображаю живой труп, и Док говорил, что мне нужно время, что бы оправиться. Но он ошибся. Время мне не помогло. Я даже умер немножко, но и это без толку. То, что я натворил, невозможно ни забыть, ни перетерпеть. Это существует; это нельзя просто выключить – можно только попытаться исправить. И незадолго до смерти я пытался это сделать, но сил не хватило. И, возможно, это вообще никому не по плечу – завалить чёрта с его охвостьем, закрыть Адские Врата и залечить раны, причинённые злом. Но теперь, снова став нормальным, я точно знаю, что снова попытаюсь. И Боаз тоже это знает. Поэтому он и приходил сегодня. Да, та девица, точно. Только поверь мне, это была вовсе не женщина. То есть, не совсем. Тело – да, но это не важно. Важно то, что внутри. Это был мой дорогой дружочек Боаз. Я видел его глаза, я слышал его голос – о, я ни за что бы не ошибся! Это дьявольское отродье никогда уже не оставит меня в покое. Или же я всё-таки разделаюсь с ним. Да, вот это для меня, пожалуй, и есть самое главное! Так ты всё ещё хочешь слушать? Ладно, поехали.

Глава 4

– Почему-то первое, что приходит мне в голову, – имя Ди-

ана. Глупо, конечно, ведь она очень мало значила для меня тогда, и уж точно ничего не значит теперь. Так, просто сладкое молодое мясо. Но почему я всё время думаю о ней?

...Бронза лениво развалился на смятой постели, пристраивая поудобнее на груди здоровенную стеклянную пепельницу. Диана оторвалась наконец от своего зеркального двойника и с укоризной покачала головой.

– Ну и что ты теперь её пригораживаешь? Уже насвинячил пеплом; вон, смотри, прямо на одеяле! И чего уставился? – Её недовольство было таким обычным, даже автоматическим, что давно уже не производило на него впечатление. Он неотрывно и изучающе смотрел на неё, и она, как обычно, начала распалаться.

– Ты, балбес, вообще-то знаешь, который час? Вставать сегодня собираешься? Э-э, дома кто есть? – Она подошла к любовнику и грубовато стукнула его по голове, собралась стукнуть ещё, но он перехватил её руку. Диана попыталась вырваться, но он засмеялся и дёрнул её на себя. Длинное худое тело женщины обрушилось на него, края пепельницы больно врезались ей под рёбра и она завопила, приподнялась, и силой двинула коленом в бок Бронзе. Он охнул, засмеялся, скинул пустую пока пепельницу на пол и бесцеремонно подмял под себя подругу.

– Ну, конфетка, ты рада, что я проснулся? – И, не дав ей ответить, принялся целовать её рот, шею, плечи, снова губы... Она перестала сопротивляться, но и довольной не вы-

глядела. Она просто позволила ему любить себя, и он успокоено уткнулся лицом в её груди.

– И как, наигрался? – Он что-то довольно промычал, не отрывая лица от мягкой плоти, вдыхая запах дезодоранта и крема; она была польщена его настроением. Но потакать не собиралась. Легко спихнула его, как полено, и села рядом.

– Слушай... Там у нас в телецентре – помнишь, я тебе позавчера говорила, – есть место в отделе рекламы. Я спрашивала насчёт тебя, ты мог бы ... Ой, ну прекрати же! – Бронза всё это время водил пальцами по её коже, оглаживал поясницу, бёдра, живот, а теперь запустил руку ей в пижамные шорты и принялся изучать секреты Дианы. Но она с раздражением выгнала его руку из своего нижнего белья и отодвинулась подальше.

– Ты бы хоть послушал, что я говорю! Место неплохое, платят нормально. Да и вообще ... – она слегка замялась, стараясь правильно подобрать слова. Обычно она так не церемонилась и высказывалась прямо, если не сказать, грубо. Но сейчас она хотела кое-чего добиться от своего мужчины, и попыталась быть вежливой. ... – Не хочу, что бы ты подумал, что я похожа на клушу – жёнушку из спального района, но ведь стабильность – это же неплохо! Когда мне предложили должность исследователя, я подумала – что за отстой! Быть на побегушках у теле – звездунув, да ещё за копейки! Лучше и дальше заниматься фрилансом, но, ты знаешь, хотелось, что бы мать наконец отвязалась. А потом да-

же понравилось! Деньги небольшие, но постоянные, работа непыльная. А ещё поговаривают, что в Про-Новостях скоро освободится место ведущей. Я уже и резюме послала! Здорово, правда?

– Что – «здорово»? Что чего-то куда-то послала?

– Я послала своё резюме!

– А, ре-зю-ме! Звучит вкусно. Как изюм. Я бы его съел! – Его голос звучал игриво, но она всё же уловила нотки недовольствия. Неожиданно завопил будильник, и они оба кинулись его выключать.

– Ну вот, вставать пора! – Бронза засмеялся и шлёпнул по заднице подружку. – Ой, детка, а ты не хотела бы налечь на жареную картошечку, или пирожные? А то я так руку могу отбить!

Диана мгновенно окрысилась.

– А что, твоё хреново величество чем-то недовольно? Я думала, я тебе нравлюсь! – Она резко встала и начала одеваться. – А на счёт пирожных... Это ты хорошо придумал! Конечно, какие вопросы?! – Как только ты начнёшь хоть что – то зарабатывать. А пока только я беспокоюсь, что мы будем жрать завтра. – Бронза поморщился, потом скучающе запрокинул голову и принялся изучать потолочную плитку. Его подруга ненадолго исчезла из поля зрения. Когда же она снова оказалась в фокусе, то была уже одета, если эти тряпки вообще можно было назвать одеждой. Джинсы с заниженной талией почти не скрывали её худой зад, а топ никак не натя-

гивался на голый живот, и её проколотый пупок, выставленный на всеобщее обозрение, никак не вязался с её громкими заявлениями о серьёзных деловых намерениях. Но вот она надела скучнейший классический жакет, который до ужаса не вязался с облезлого вида джинсами, и теперь только узкая полоска бледной кожи между поясом брюк и жакетом намекала на то, что эта девушка – без комплексов. Бронзе никогда не нравилась эта нелепая безликая мода, и однажды он даже попытался высказаться на этот счёт, но Диана просто послала его.

– Я одеваюсь, как мне нравится. И мне удобно так; я чувствую себя комфортно! К тому же, девушке с такими внешними данными – она движением руки повторила в воздухе контуры своего худого вытянутого тела – есть чем гордиться, и есть что показать. Ты так не думаешь?

– Тоже мне, Наоми Кемпбелл! – Он закрыл тему, и больше уже никогда не высказывался насчёт её одежды. Ему вообще всё это было безразлично: хоть голая в кедах ходи, было бы только мясо горячее!

Она откинула прямые обесцвеченные волосы назад и сердито пожала плечами.

– Конечно, я всё понимаю! Ты – свободный художник, тебе мало бытового пространства и банальной повседневности...

– Ты прочитала это на моём сайте? Не надо пересказывать!

– Хорошо, скажу проще. За твои инсталляции тебе не платят. Ты зарабатываешь жалкие гроши на рекламе; в твои тридцать лет об этом даже говорить стыдно. Сейчас два часа дня, а ты ещё в постели. И какие у тебя планы на будущее, вот мне интересно?

Её голос зло и ехидно взвизгивал, она кривлялась в такт своим словам и откровенно издевалась. Бронза пристально смотрел на Диану – сейчас она ему совсем не нравилась. Впрочем, такое случалось часто. Иногда он спрашивал себя: и что он нашёл в этой женщине? Ладно, это вопрос сложный, и когда-нибудь он с этим разберётся. А теперь ей пора на работу. Он так прямо и спросил: не опоздает ли она? И с нажимом добавил, что ей давно уже надо идти!

– И, кстати! Если ты не поняла, почему я в постели – напомним! Я вернулся в четыре утра, потому что ночью делал глиф на заказ. И я его закончил, и фермер, что заказал мне знаки на своём поле, хорошо заплатит за рекламу. – Он сел в постели, и ей пришлось отодвинуться – хоть нависать перестала! Она хотела что-то добавить, но он резко оборвал её.

– Так что, мать – кормилица, если хочешь умничать, делай это в другом месте, и хватит зудеть! Не нравится, как я живу – ищи дверь и скатертью дорога! – Он снова лёг и закурил. Диана немного помолчала. Потом уже спокойно, даже бесцветно, спросила :

– Даже так? Ты действительно этого хочешь?

Он не ответил, глядя на сизые кольца табачного дыма.

Хлопнула входная дверь, и стало очень тихо. Бронза почувствовал, что снова засыпает...

..... – Она ушла? В смысле, насовсем? – Саша решил напомнить о себе, потому что Бронза надолго замолчал. Тот встрепенулся, лицо его сделалось брезгливым и недовольным. Саша подумал, что даже такая гримаса лучше, чем прежняя прижизненная маска умирающего.

– Нет, не ушла. Я столько раз думал: а что, если бы мы тогда разбежались? Попал бы я в эту передрагу, или всё обошлось бы? И в ком вообще было дело – в Диане, или во мне? Наша связь не имела никакой ценности; я думаю, мы просто коротали время. Знаешь, как случайные попутчики, или как анонимные алкоголики. Так, просто чтобы со скуки не сдохнуть. Вот и мы с ней – случайно пересеклись, случайно улеглись в кровать, а вылезать из неё и подыскивать что – то ещё было лень... Ты же знаешь, как это бывает! Это все знают. Поначалу она мне действительно нравилась. А? Нет, не то, чтобы на внешность. Высокая, худая – теперь такой тип женщин в моде. Правда, ухватиться особенно было не за что – одни углы. Но знаешь, когда дойдёт до дела, там уже всё равно. Я думаю, это единственное, что нас связывало. Так глупо! Ведь мы были друг другу совершенно безразличны, но целых три года изображали сладкую парочку. Сначала было ещё ничего, хоть не грузили друг друга. Оба без царя в голове, равны по положению, даже было что-то общее. Она писала статьи на заказ, делала технические переводы, сочиняла

коротенькие рассказы про секс...

– О, хорошие?

– Да так себе. Все одинаковые. Типа:» они до утра сжигали друг друга в страстных объятиях...» Она изменяет – он ревнует; третий, тот, что лишний, всегда нереально крутой или гламурный, или демонически обаятельный... Но наш страдающий герой не сдаётся, и побеждает, и...

– Да – да, сжигают в объятиях!

– Вот именно! – Бронза помолчал немного, а потом вдруг очень зло процедил сквозь зубы:

– Лживая дрянь! Так не бывает! Чувак вроде меня никогда не выигрывает: демонический сукин сын всегда забирает всё! Ну да и хрен бы с ними, с этими сказочками! Но ведь она хотела, что бы мы и в правду поиграли в эти игры! Чёрт, ненавижу баб!

Глава 5

.... Док отключил запись.

– Больше он ничего не сказал?

– Нет. Его и так наш разговор вымотал, и после этих слов про баб он как будто завял, и я ушёл. Мы сегодня продолжим, Вы не против?

– Да нет, не против, конечно. А он знает, что я в курсе вашего разговора? – Саша устало уронил голову на руки:

– Конечно, в курсе. Он же знает, чья эта штука!

Он мотнул опущенной головой в сторону диктофона. Голос его звучал глухо, неразборчиво. Он что-то добавил,

но Док не понял.

– Что?

– Да я говорю, Вам он всё равно ничего не скажет. Кодекс чести разгильдяев не позволит исповедоваться мозговёрту. И уж точно не на прямую. Но поговорить надо. Вот так и поговорим. Так что пусть завтра ночью никто не лезет к нам, ладно?

– Как скажешь; попробуем довести это дело до конца. Только вот ...я хотел спросить у тебя ...Ты хоть помнишь такие слова, как «профессиональная этика»?

Саша изобразил недоумение:

– Что ты хочешь сказать мне, Док?

– Что мы с тобой сейчас бессовестно злоупотребляем доверием Тихони, то есть, Бронзы. Я даже представить себе не мог, что пойду на такое.

– А я не представлял себе, что когданибудь пойду топиться. И для меня теперь общие нормы мало что значат. И, могу поручиться, для Бронзы тоже. Ты верно сказал: давай просто доведём это дело до конца!

Док задумчиво покачал головой:

– Наша история только началась. Ты уверен, что всё так просто закончится?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.